

В. А. Сомов

Радио как коммуникативное средство формирования трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на примере Волго-Вятского региона)

В годы Великой Отечественной войны одним из самых действенных средств коммуникативно-информационного воздействия на массовое сознание было радио. Как отмечает Т. М. Горяева, «сила воздействия голоса без изображения на сознание человека обладает уникальными свойствами. Видеть говорящего — значит понимать, что мы слышим мнение одного конкретного человека, с которым мы можем не соглашаться. Голос-невидимка претендует на большее — на абсолютную истину в последней инстанции»¹.

Радио обладает некоторыми специфическими характеристиками и функциями информирования населения. Это оперативность², которая в критических ситуациях выходит на первый план, и манипулятивная функция³, которая составляет один из главных элементов системы информационно-идеологического контроля.

Кроме этого, радиовещание «оказывает несомненное психологическое влияние на людей»⁴. Это связано с тем, что радио, «ориентированное, прежде всего, на слуховое восприятие, воздействует более других на воображение человека... Радио возбуждает фантазию, стимулирует чувства и тем самым дает работу и мышлению, и неосознанным эмоциям»⁵.

Тексты радиопередач Главной редакции пропаганды хранятся в Государственном архиве Российской Федерации в фонде Р–6903 — Комитет по радиовещанию и радиофикации при СНК СССР (Оп. 4). Документы представляют собой машинописный текст радиопередач с отметками даты и времени выхода в эфир. Наибольшей ценностью при анализе информационно-идеологического воздействия обладают карандашные правки и пометки цензора — уполномоченного Главлита. Сравнение вычеркнутого

Сомов Владимир Александрович,
доктор исторических наук, доцент,
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород);
somoff33@yandex.ru

или исправленного текста с первоначальным вариантом предоставляет возможность проследить «технологию» работы с массовым сознанием. После прохождения цензуры на тексте радиопередачи ставился штамп: «Передача в эфир разрешается».

При анализе документов необходимо учитывать тот факт, что в критической ситуации войны властью было принято решение об ограничении каналов поступления информации путем изъятия у населения радиоприемников индивидуального пользования⁶.

Интересно заметить, что в постановлении уточнялось: радиоприемники изымаются на временное хранение до окончания войны⁷. Это должно было подчеркнуть уверенность власти в положительном исходе войны, передать эту уверенность населению. Вся официальная информация, согласно этому постановлению, должна была распространяться только при помощи радиоприемников коллективного прослушивания в клубах, радиоузлах, учреждениях, на предприятиях, и в строго определенных часы.

Хранение и работа радиоприемников строго регламентировалась. Согласно циркулярному письму Горьковского обкома ВКП(б) о работе радиоузлов от 23 июля 1941 г., должен был соблюдаться следующий порядок коллективного прослушивания радио. Не допускалось какое-либо вещание, кроме длинноволновых станций им. Коминтерна и Горьковской РВ-42. Запрещался прием коротковолновых станций. Работники радиоузлов не должны были ни на минуту отлучаться во время трансляций, следя за содержанием радиопередач, и если во время перерывов в работе станции в эфир вклинивались фашистские передатчики, им следовало немедленно прекратить работу радиоузлов.

В Мордовской АССР 26 июля 1941 г. всем секретарям райкомов ВКП(б) было направлено циркулярное письмо, в соответствии с которым на них лежала личная ответственность за выпуск районных последних известий: «Вы обязаны эти районные последние известия до передачи их по радио проверить на правильность, политическую выдержанность, только после чего Вы обязаны визировать»⁸.

За второе полугодие 1941 г. в Горьковской области действовало 140 135 радиоточек. У населения было изъято 18 420 радиоприемников. В некоторых районах партийные органы настолько перестраховались, что вообще не оставили ни одного приемника, даже для коллективного прослушивания⁹.

Процесс изъятия радиоприемников в Мордовской АССР не вызвал у местной власти серьезных затруднений. На момент начала войны радиофикация в республике была незначительной. На 1 января в республике было 28 районных узлов связи с 14 198 трансляционными точками, в октябре — 15 681, из которых в сельской местности действовала только 7271 радиоточка¹⁰.

В Марийской АССР индивидуальная радиофикация также не была распространена. В то же время, в республике имелось 17 узлов районного радиовещания¹¹.

Отношение населения к изъятию радиоприемников можно проиллюстрировать на примере письма жительницы села Воскресенское Горьковской области секретарю обкома М. И. Ро-

дионову 24 июля 1941 г. «Наша семья живет в лесу, — пишет О. С. Большакова, — Отец вот уже 20 лет работает объездчиком... До ближайшего селения от нас более трех километров. Мы знали обо всех новостях международной обстановки только благодаря радиоприемнику. Сейчас в нашей стране такая напряженная обстановка, сейчас более чем когда-либо, хочется, да и нужно знать все обо всем, но у нас приемник взял радиоузел с. Воскресенского. Зачем и почему — нам никто не сказал»¹². Далее автор письма просит: «Если можно, то пусть нам вернут приемник, а если это нельзя, то ничего, видно, не поделаешь»¹³. При этом обращает на себя внимание отсутствие и намек на возмущение несправедливостью, на критику местных властей, что так характерно для подобных писем. Видимо, автор письма хотя и не была в курсе постановлений правительства, регламентировавших изъятие, но как-то связывала это с военной необходимостью и идеологической кампанией. Не случайно свою просьбу она подкрепляет сведениями о партийности всей семьи, за исключением отца¹⁴.

В некоторых районах наблюдались перебои с обеспечением работы радиоприемников даже после их значительного сокращения. Мордовский обком ВКП(б) 18 октября 1941 г. принял постановление «О состоянии радиовещания в республике». В нем отмечалась неудовлетворительная работа радиоузлов, что было связано с нехваткой горючего. Большинство радиоузлов работало не более 3–4 часов в сутки. «Тем самым население лишено возможности слушать политическую информацию из Москвы»¹⁵. В результате было принято решение организовать обеспечение радиотрансляций не менее 8–10 часов в сутки¹⁶.

Строгость властных постановлений относительно работы радиоузлов в военное время накладывала настолько большую ответственность на партийных и государственных работников, что некоторые предпочитали совсем прекратить прослушивание радио, чем постоянно опасаться вклинивания фашистских радиостанций. Это приводило к тому, что население не только лишалось возможности получать интересующую информацию, но и, по сути, выходило из-под контроля государства. Данная ситуация настолько обеспокоила власть, что 20 октября 1941 г. секретарь ЦК ВКП(б) по идеологии, начальник Главного политического управления А. С. Щербаков отправил на места совершенно секретную телеграмму, в которой призвал к ликвидации неблагоприятного положения с распространением информации.

В телеграмме, в частности, говорилось: «ЦК ВКП(б) известны множественные факты, свидетельствующие о крупных недостатках и грубых ошибках в радиовещании. Во многих районах Тамбовской, Пензенской, Рязанской, Горьковской, Вологодской областей совершенно не работают радиоузлы, в результате чего население лишено возможности слушать политическую информацию из Москвы»¹⁷. Телеграмма обязывала обкомы и крайкомы ВКП(б) восстановить работу районных узлов проводного вещания и разрешить парткабинетам, клубам, избам-читальням, «красным уголкам» использовать радиоприемники исключительно для коллективного прослушивания. В этом можно усмотреть расчет власти на общественные, моральные сдерживающие факторы возможных проявлений негативизма в отношении

конкретной информации. А. С. Щербаков особенно подчеркнул, что местное партийное руководство должно «установить постоянный контроль партийных организаций за работой радиоузлов». О результатах работы и принятых мерах следовало докладывать в ЦК.

В ответ на телеграмму А. С. Щербакова 28 октября 1941 г. Горьковским обкомом было отправлено письмо, в котором отмечалось: «Бездействующих районных радиоузлов в области нет. Работают все. Но вследствие недостатка питания (остановка электростанций, недостаток бензина и т. д.) некоторые радиоузлы работают с перебоями»¹⁸.

Таким образом, в результате этих мероприятий, с одной стороны, резко сократились каналы информационного воздействия на населения, с другой — усилилась концентрация идеологического содержания за счет усиления контроля и эффекта коллективного прослушивания.

Естественно, наибольший эффект радиопередач достигался в крупных населенных пунктах — там, где радио было доступным для массового прослушивания. Например, жители г. Арзамаса вспоминают: «Ежедневно слушали радио — черная тарелка репродуктора висела на стене. Голос Левитана возвещал о трудностях первых месяцев войны» (Н. В. Розанова)¹⁹. «Все дети войны помнят радио — черную тарелку из твердой бумаги... Радио всегда громко вещало о событиях на фронте. Голос Левитана мне известен с тех пор, его ни с чьим голосом не спутаешь: “Говорит Москва!..”» (Барчугова И. Н.)²⁰. Кроме того, необходимо отметить, что радио (точнее — радиорепродуктор) для многих играло еще и роль своеобразного «будильника». Как вспоминает жительница г. Йошкар-Олы Т. В. Одинцова, «Радио не выключали — боялись проспять на работу»²¹. Все это свидетельствует о том, что радио было одним из основных источников информации в годы Великой Отечественной войны.

О важности радио как наиболее доступного и массового источника информации можно судить по дневниковым записям, отражающим отношение их авторов к реальной исторической ситуации. Например, в дневниках горьковского историка Н. М. Добротвора этой проблеме уделяется особое внимание. 25 июня 1941 г. он сделал такую запись: «А как с Ковно, как с Гродно? Об этом ни слова. Сводка очень неопределенная. Это крайне нервнует»²². «29 июня. Воскресение. Живу сводками... Меня сводки очень волнуют своей неопределенностью, недоговоренностью»²³.

В ноябре 1941 г. «в целях обслуживания населения районов области радиовещанием» местным радиоузлам было разрешено принимать коротковолновые центральные станции, для чего можно было частично использовать изъятые приемники. Это обеспечило вещание передач с 6 до 23 часов по московскому времени. Вещание на коротких волнах было вынужденным шагом, связанным с эвакуацией радиостанций из Москвы. По этой же причине центральное вещание перешло от трех программ к одной²⁴. Вещание Главной редакции пропаганды осуществлялось на нескольких волнах: РВ-1 (1744 м), РВ-84 (1060 м), РВ-49 (531 м), РВ-43 (1293,1 м), РВ-96 (1947 м), РВ-59 (25 м), РКИ (39,38 м)²⁵. При этом осуществлялся жесткий политический контроль за приемом коротковолновых радиостанций²⁶.

Одним из главных коммуникативных средств формирования отношения к труду в условиях войны стала информация о положении дел на фронте, о ходе боевых действий. За период 1941–1945 гг. только в выпусках последних известий было передано до 7 тыс. корреспонденций из действующей армии²⁷. В зависимости от специфики внутренней мотивации человека, его отношения к власти, информация о положении на фронте либо усиливала, либо ослабляла общую мотивацию к труду. В своем большинстве советские граждане искренне желали скорейшей победы над врагом, поэтому фактором, усиливавшим трудовую мотивацию, можно считать информацию о победах на фронте. Такая позитивная информация, во-первых, усиливала надежду на положительный исход войны, на снижение фактора внешней угрозы, во-вторых, придавала уверенность в своих силах и в правильности действий власти, в-третьих — давала ощущение удовлетворения от своего труда.

Цели усиления трудовой мотивации служила также политика сокрытия или минимизации информации о неудачах, о числе потерь, поражениях, полного исключения информации, даже косвенно имевшей возможность вызвать сомнение в бесчеловечности врага.

В начальный период войны пропагандистской задачей радиопередач было снижение демотирующего влияния информации о силе противника, о невозможности сопротивления ему. Даже после успешного контрнаступления, осуществленного Красной Армией под Москвой, опасность такого влияния оставалась исключительно актуальной. Блокировать его в сознании трудящихся должны были радиопередачи следующего содержания.

23 декабря 1941 г. в 18.00 по Московскому времени в эфире радиостанции им. Коминтерна прозвучала статья «Не так страшен черт, как его малюют»²⁸, в которой особое внимание было уделено связи между неуверенностью в победе, распространением слухов и деятельностью фашистской пропаганды. Снизить страх перед врагом должны были следующие слова, сознательно принижающие успехи немецкой армии в Европе: «Военная прогулка немцев по Западной Европе удалась им благодаря численному перевесу в технике и в людях. ... Большую роль сыграла в этом и вражеская пропаганда, которая сеяла повсюду панические слухи, подрывала стойкость и боевой дух армий противника, возбуждала неуверенность в своих силах и у народа, и у солдат, подвергшейся нападению страны»²⁹. Кроме прямого указания на причины поражения европейских стран, в передаче косвенно проводилась главная мысль: возможность победы СССР тесно связана с недопущением подобных настроений.

Самоотверженный труд стимулировался с помощью развенчания информации о непобедимости врага, активизации чувства мести. 17 декабря 1941 г. в 17 часов по радио звучала статья майора Шарончикова «Документы, зовущие к мести». В ней (что характерно для этого периода) сочетались идеи развенчания образа непобедимости врага и невозможности для него скрыться от народного гнева: «Не уйдут гитлеровские банды от суровой кары. В нашей земле они навсегда найдут себе могилу. За кровь и страдание наших людей, за поруганную нашу землю мы будем мстить беспощадно»³⁰.

В переданной в тот же день речи отбойщика Карагандинского угольного бассейна Георгия Руденко говорилось: «Я знаю, что сейчас меня слушают тысячи таких же молодых людей, как и я сам, и очень волнуюсь. Это потому, товарищи, что в сердце слишком много накипело и словами все это даже передать трудно»³¹. Такое эмоциональное начало выступления должно было способствовать достижению цели высокой восприимчивости слушателей к дальнейшей информации-призыву: «Мы работаем, забывая об усталости. Одна у нас мысль, одна забота: помочь Красной Армии быстрее разгромить немцев»³². Дополняя предыдущую информацию, данная речь вызвала ощущение единства эмоций, восприятия действительности, целей и задач интенсивного самоотверженного труда и, соответственно, повышала конструктивную мотивацию.

Передача под заголовком «Буду работать еще самоотверженнее», прозвучавшая в эфире в 12 часов 30 минут 23 декабря, была посвящена письму токаря энского завода Матвеева. В нем он, в частности, говорил: «Мою энергию, казалось, удесятерила ненависть к врагу, предательски ворвавшемуся на нашу землю»³³. Причем слово «казалось» было вычеркнуто цензором: у слушателя не должно было возникать сомнения по поводу отношения трудящегося человека к завоевателю. Оно должно было быть именно таким, а пример токаря Матвеева должен был стать образцом трудовой мотивации.

Советская информационно-идеологическая машина в начальный период войны активно боролась против создаваемого вражеской пропагандой позитивного образа немецких оккупационных властей. В печати и по радио в большом количестве распространялась информация о зверствах фашистов, о массовых убийствах мирных жителей. В то же время, как показывают источники, среди населения прифронтовых областей активно циркулировали слухи о восстановлении немцами на оккупированной территории дореволюционных порядков, что выглядело весьма привлекательным для некоторого количества советских граждан. Содержание радиопередач в этот период раскрывает сущность информационно-идеологического воздействия на сознание «неустойчивой» части рабочих и крестьян.

Например, в передаче «Гитлеровцы — злейшие враги советского крестьянства», прозвучавшей в эфире 29 декабря 1941 г. в 18 часов 20 минут, приводились примеры негативного отношения захватчиков к колхозникам на оккупированной территории. При этом цензура применила метод сокрытия информации, дабы она не вызвала ненужных власти вопросов и аналогий. В первоначальном варианте текста радиопередачи говорилось: «Фашисты забирают себе весь хлеб, все имущество колхоза. Они сохраняют колхозы в качестве крупных хозяйств, работающих на немецкую армию, заставляют крестьян работать даром, а иногда обещают давать им одну шестую или даже седьмую часть, но на деле и этого не делают». После правки цензора в эфире прозвучала лишь первая фраза³⁴. Информация о том, что немцы не только не уничтожают население, но и сохранили колхозы и обещают за работу в них часть урожая, могла существенно снизить мотивацию и желание колхозников трудиться в советских колхозах.

Фраза «В деревнях Ленинградской области ежедневно гонят население на принудительные работы» была допущена цензором к эфиру, поскольку не представляла в этот период излишне опасной аналогии с советской трудовой политикой — трудовая повинность в СССР оставалась все же чрезвычайной, а не ординарной формой организации труда. Но в эту фразу цензором было добавлено уточнение. Получилось: «В деревнях Ленинградской области, захваченных временно...»³⁵ Это дополнение полностью соответствовало политике формирования в сознании населения уверенности в победе, и должно было подавить в сознании слушателя ощущение неизвестности, неопределенности относительно перспектив развития ситуации на фронте. А от степени этой уверенности во многом зависела мотивация труда.

Региональное радиовещание также развивалось в русле контрастно-негативного изображения образа врага. Например, в передаче Мордовского областного радиокomiteта от 12 августа 1941 г. под названием «Могучий трудовой подъем среди железнодорожников» в качестве мотивирующего эффекта была использована информация об условиях труда на Рузаевском узле в начале XX в. «Старшим акционером бывшей Московско-Казанской железной дороги был тогда немец Фон Мекк», говорилось в передаче³⁶. Далее шла довольно неприятная, но адекватная ситуации характеристика: «Он был похож на дьявола и зверя, прообраз теперешних немецких фашистов»³⁷. В 1900 г. акционерному обществу оказалось выгодным перевести основное депо из Пензы в Рузаевку. «Фон Мекк издал приказ: «Переселиться в Рузаевку со всеми паровозами»³⁸. Далее в передаче использованы воспоминания ветеранов депо:

«— Жизнь тогда в Рузаевке оказалась хуже тюрьмы, — вспоминает старый рабочий депо тов. Дмитриев.

— Под жилое помещение для проводников были отведены старые бани, представлявшие собой тесные, вонючие сараи. Рабочих бессовестно эксплуатировали. Машинисты и помощники работали по 400 с лишним часов в месяц»³⁹.

Какие мысли и чувства должна была вызывать эта передача? Во-первых, немцы исторически стремились в Россию ради эксплуатации ее богатств и населения; во-вторых, условия труда и быта при этом были намного тяжелее, чем современные (военные); в-третьих, решить все проблемы, вызванные войной с немцами, можно только интенсивным трудом: «Горячее желание ускорить победу над врагом — источник невиданного повышения производительности труда»⁴⁰.

Официальная пропаганда для оказания наибольшего эффекта на сознание слушателя должна была восприниматься как достоверная, правдивая, соответствующая действительности информация. Применение методов сокрытия или искажения информации о событиях на фронте во многом было обусловлено невозможностью для подавляющей части тылового населения проверить ее достоверность. Неправдоподобные же сообщения о трудовой жизни и быте в тылу сразу же опровергались самой практикой. Допущение такой информации было опасно для власти тем, что оно могло вызвать недоверие трудящихся, которое могло

быть перенесено на информационную политику в целом. Поэтому иногда работа цензоров сводилась к исправлению текстов радиопередач, звучавших излишне сомнительно или неоднозначно.

Например, в статье «Шире вовлекать женщин на железнодорожный транспорт» от 31 декабря 1941 г. говорилось: «Слесарь-автоматчик Тарасов сражается с врагами на фронте Отечественной войны. Бывшая уборщица, молодая девушка Катя Бородина с лихвой выполняет его производственные нормы»⁴¹. Эта фраза могла вызвать у слушателя серьезное недоумение: видимо, слесарь Тарасов работал не слишком интенсивно, так что простая девушка, уборщица «с лихвой выполняет его нормы». Обратный вариант объяснения представлялся еще более неправдоподобным. Поэтому данная фраза была вычеркнута цензором. Вместо нее появилось: «Бывшая уборщица, молодая девушка Катя Бородина встала на его место»⁴².

В то же время, трудно переоценить влияние позитивного образа советского труженика, созданного пропагандой, на формирование конструктивной мотивации труда. Примеры трудового героизма призваны были мобилизовать радиослушателей на аналогичную повышенную трудоотдачу. Например, в радиопередаче отдела агитации и пропаганды радиокомитета Мордовской АССР от 5 августа 1941 г. говорилось: «Даже человеку, постоянно живущему в своей деревне, трудно уследить за всей ее деятельностью в дни Великой Отечественной войны: жизнь, полная событиями, течет как многоводная, бурная река. Она, меняясь на глазах людей, приносит с собой все новое и новое»⁴³, — фраза, которая была призвана «настроить» слушателя на повышенное восприятие информации. Радио «знает» намного больше каждого гражданина, поэтому ему необходимо доверять, к его советам — прислушиваться.

Далее — без перехода — фраза о необходимости интенсивного труда: «Закон военного времени: “Побеждает тот, кто наиболее полно мобилизовал все свои силы и возможности” — все более входит в сознание советских людей»⁴⁴. Обращает на себя внимание утвердительная формулировка «закон... входит в сознание людей». Такое построение подачи информации не должно было оставлять сомнений в обратном, а приводимые далее примеры трудового героизма с указанием конкретных фамилий героев «закрепляли» эту уверенность⁴⁵.

Далеко не случайно, что героями подобных радиопередач были женщины, девушки. Именно женский образ обладал широкими возможностями воздействия на слушателей, поскольку воспринимался более эмоционально: являлся, с одной стороны, предметом восхищения трудовым героизмом, с другой — примером для подражания.

Так, в статье «Неустанно развивать творческую инициативу масс», прозвучавшей в эфире 16 февраля 1942 г., просматривается довольно характерный для такого рода радиопередач образ девушки-труженицы, который на уровне эмоционального восприятия должен был вызвать реакцию, выраженную лозунгом «Делай, как я!». В радиопередаче говорилось: «Советская патриотка Кукушкина... знала, что чем больше она сделает, тем ощутительнее будет на фронте ее помощь, тем крепче будут удары по врагу».

— Хотя моя работа маленькая, незаметная, но она нужна фронту, — говорит т. Кукушкина.

Сознание ответственности перед фронтом заставило скромную рядовую работницу еще внимательнее присмотреться к своей работе, подумать над каждым движением, подсказало Кукушкиной способ усовершенствовать свой стахановский труд»⁴⁶.

Обращает на себя внимание тот факт, что последние слова звучат не просто как информация, но и как скрытый призыв, побуждение, подсказка — так нужно поступать всем, кто хочет помогать фронту, усовершенствуя свой труд. Призыв этот подкреплен в статье доказательством возможности и необходимости для остальных тружеников перенимать позитивный опыт молодой девушки: «Ее пример заставил работниц, занятых на других операциях, глубже вникнуть в свою работу, пробудил в них инициативу, сметку»⁴⁷. Другими словами, образ трудящегося, создаваемый в условиях информационно-идеологического контроля, был направлен на формирование позитивного примера для подражания, конструктивного образца, усиливавшего мотивацию труда.

Важной составляющей информационного воздействия радио можно считать идею о неизбежности победы СССР, которая в самые тяжелые периоды войны постоянно поддерживалась властью на уровне веры в чудо, а также идею о необходимости защищать государство и власть как нечто неотделимое от понятия «Родина». Довольно показательной в этом отношении является, например, радиопередача, прозвучавшая в эфире 15 и 16 февраля 1942 г. с характерным названием — «Идея, рождающая героизм». В ней говорилось: «Советский народ ведет войну за свою честь, за свою свободу и независимость... Идея защиты Отечества овладела массами и рождает в массовом масштабе героизм, отвагу и самоотверженность»⁴⁸.

С другой стороны, ожидание победы или хотя бы позитивных изменений на фронте не могло быть бесконечным. В условиях напряженного труда для человека было очень важно знать хотя бы приблизительные сроки проявления результатов этого труда, приближения победы. Власть прибегала для этого к некоторым психологическим методам информационного воздействия. Например, осенью-зимой 1941–1942 гг. многократно и в разной форме транслировались слова И. В. Сталина, произнесенные на параде 7 ноября 1941 г. Он говорил: «Нет сомнения, что Германия не может выдержать долго такого напряжения. Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть, годик, — и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений»⁴⁹. Кроме желания вселить уверенность в окончательной победе, обращает на себя внимание и определение сроков ее достижения. Во-первых, они определены достаточно четко: минимум несколько месяцев, максимум — год. Во-вторых, руководитель государства оставляет за собой право на определенную погрешность, ошибку в расчетах — он говорит «может быть», что было совершенно не случайно. Более точное определение сроков окончания войны могло вызвать недоверие слушателей и отторжение всей позитивной информации вообще. В-третьих, очень характерно применение уменьши-

тельного суффикса «-ик» в определении срока поражения Германии. Слова «год» и «годик» воспринимаются человеком по-разному. «Годик» звучит как меньшая по протяженности временная характеристика, вызывая в сознании слушателя эффект ничтожности срока.

Анализ материалов главной редакции пропаганды Государственного комитета по радиовещанию показывает, что после коренного перелома в войне, примерно с конца 1943 г. — начала 1944 г., содержание радиопередач несколько меняет свою направленность, что, безусловно, было связано с изменением ситуации на фронтах Великой Отечественной войны. Переход стратегической инициативы в руки советского командования мало у кого оставлял сомнения по поводу окончательного исхода войны. Красная Армия наступала, а информация о наступлении служила мощным эмоциональным стимулом интенсивного труда. К тому же, непреходящий интерес трудящихся к событиям на фронте теперь, в отличие от начального периода войны, было чем удовлетворить. Именно поэтому в радиопередачах января 1944–1945 гг. преобладают материалы под заголовком «На фронтах Отечественной войны»⁵⁰.

С другой стороны, интенсивность использования призывов в качестве методов усиления мотивации к 1944 г. частично привела к снижению восприимчивости к подобным стимулам и, соответственно, к снижению их эффективности. Можно даже предположить, что трудящиеся несколько устали от постоянно повторяющихся призывов, причем морально-психологическая усталость, невосприимчивость во многом была обусловлена усталостью физической, накопившейся за годы войны. Это поняли в Главной редакции пропаганды и произвели соответствующие коррективы. Так, название статьи в виде призыва «В Новом году усилим помощь доблестной Красной Армии», которая должна была выйти в эфир 4 января 1944 г., цензор зачеркнул и принял решение: «Объявлять по 1-й странице»⁵¹.

В Марийской АССР в 1944 г. местные радиопередачи включали в себя краткую оперативную сводку на марийском языке, последние известия и передачи тематического характера. Их содержание также свидетельствует о некотором ограничении использования призывов как средства стимулирования труда. Информация о трудовом подъеме, в отличие от периода начала войны, уже не воспринималась позитивно, вызывала сомнения у слушателей. Поэтому, например, в передаче от 13 сентября 1944 г. цензором были вычеркнуты следующие слова: «Волна предоктябрьского соревнования охватила колхозы Горно-Марийского района»⁵². А в передаче от 15 сентября из выступления заместителя начальника управления трудовых резервов Марийской АССР Чудиной было исключено утверждение: «С 15 сентября... сотни тысяч юношей и девушек нашей страны придут в учебные заведения трудовых резервов, чтобы научиться здесь мастерству, а затем влиться в ряды нашего рабочего класса»⁵³. Исключение этой информации было продиктовано ее несоответствием фактическому положению дел, что могло вызвать критическое отношение со стороны слушателей не только к данной информации, но и к сопутствующей ей.

Мотивационная сфера трудовой деятельности во многом формировалась информационно-идеологическими факторами. Сложность долговременного прогнозирования, информационная блокада, непосредственное наблюдение негативных последствий начала войны сводили к минимуму возможность возникновения в сознании индивида самостоятельного настроения на высокую трудоотдачу. В такой ситуации государственное информационно-идеологическое воздействие на мотивацию труда явилось необходимым условием эффективной организации трудового процесса.

Б. Ф. Поршнев справедливо отмечал: «Как в гипнозе повторение внушаемого усиливает эффект, т. е. снимает остатки противодействия внушению, так и в общественной жизни повторность, настаивание — могучее орудие “коллективных представлений”»⁵⁴. В этом смысле повторяемость как самих радиопередач, так и конкретных сюжетно-идеологических конструкций усиливала эффект информационного воздействия.

Содержательным «стержнем» этого воздействия можно считать выраженную в вербальной форме идею о неизбежности победы, включающую известную фразу: «Враг будет разбит, победа будет за нами», а также всю информацию о победах на фронте, которая сама по себе была способна повысить мотивацию труда. Близость победы прочно увязывалась в сознании трудящегося с необходимостью не снижать темпов и качества труда. Эта информация, как никакая другая, способна была вызывать трудовой подъем, поскольку, во-первых, снижала ощущение опасности, во-вторых, усиливала надежду на скорейшее окончание войны, возвращение к мирной жизни, в-третьих, продуцировала ощущение сопричастности к общему успеху («Мой труд вливается в труд моей страны»).

Таким образом, диалектическая взаимосвязь между получаемой человеком информацией и его конкретным поведением позволяет говорить о том, что в годы Великой Отечественной войны человек проявлял трудовой и ратный героизм как средство защиты от врага чего-то своего. Ощущение того, что «советская страна — наша страна», было как результатом информационно-идеологического воздействия, так и отражением в сознании трудящихся действительного положения дел.

---

¹ Горяева Т. М. Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х – начале 1930-х годов. Документированная история. М., 2000. С. 4.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 31.

⁴ Радиожурналистика: Учебник / Под. ред. А. А. Шереля. М., 2005. С. 106.

⁵ Там же.

⁶ Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946 / Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти / Под ред. А. Н. Яковлева. М., 2006. С. 290–291.

- ⁷ Там же. С. 291.
- ⁸ Мордовия. 1941–1945: Сб. документов. Саранск, 1995. С. 52.
- ⁹ Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее — ГОПАНО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 2372. Л. 68.
- ¹⁰ Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Саранск, 2005. С. 100.
- ¹¹ Государственный архив Республики Марий-Эл. Ф. 658. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.
- ¹² ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2171. Л. 174.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 132.
- ¹⁶ Мордовия. 1941–1945. С. 132.
- ¹⁷ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2069. Л. 87.
- ¹⁸ Там же. Д. 2370. Л. 104.
- ¹⁹ Арзамасский учительский в годы военного лихолетья (Материалы к истории АГПИ) / Сост. Е. П. Титков, М. В. Казачок. Арзамас, 2005. С. 229.
- ²⁰ В кн.: *Погодин В. П.* Техникум — это наша судьба: Очерки истории Арзамасского техникума потребительской кооперации. 1957–2007 гг. Арзамас, 2007. С. 57.
- ²¹ В боях отстояли Отчизну свою... Воспоминания участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла / Авт.-сост. П. В. Воеводский Йошкар-Ола, 2005. С. 166.
- ²² Забвению не подлежит: страницы Нижегородской истории (1941–1945 годы). Кн. 3. Н. Новгород, 1995. С. 513.
- ²³ Там же. С. 514.
- ²⁴ Радиожурналистика: Учебник / Под. ред. А. А. Шереля. М., 2005. С. 45.
- ²⁵ Государственный Архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 6903. Оп. 17.
- ²⁶ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2378. Л. 94.
- ²⁷ Радиожурналистика. С. 46.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 6903. Оп. 17. Д. 7. Л. 8.
- ²⁹ Там же. Л. 9.
- ³⁰ ГАРФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 7. Л. 72.
- ³¹ Там же. Д. 41. Л. 100.
- ³² Там же. Л. 101.
- ³³ Там же. Д. 7. Л. 33.
- ³⁴ Там же. Л. 317.
- ³⁵ Там же. Л. 322.
- ³⁶ Центральный Государственный архив Республики Мордовия. Ф. 647. Оп. 1. Д. 10. Л. 14.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ ГАРФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 7. Л. 15.
- ⁴⁰ Там же. Л. 17.
- ⁴¹ Там же. Л. 468.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Центральный Государственный архив Республики Мордовия. Ф. 647. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.
- ⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Л. 5–6.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 12. Л. 361.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 12. Л. 326, 328.

⁴⁹ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Горький, 1943. С. 36.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 71. Л. 2, 15, 22; и др.

⁵¹ Там же. Л. 121.

⁵² Государственный архив Республики Марий-Эл. Ф. 658. Оп. 1. Д. 33. Л. 224 об.

⁵³ Там же. Л. 148.

⁵⁴ Поршнева Б. Ф. Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформация в развитии человечества) // История и психология / Под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. А. Анциферова. М., 1971. С. 24.

Somov V. A. Radio as a communicative tool of formation of the labor motivation during The Great Patriotic War 1941–1945 (on materials of Volgo-Vjatsky region).

ABSTRACT: The article analyses the influence of radio broadcasting on forming of labor motivation among the population of Volgo-Vjatsky region in the time of the Great Patriotic War. Positive character of information content is specially noted and considered by the author as necessary means of psychological influence on labor motivation of workers in critical conditions of the wartime.

KEYWORDS: Great Patriotic War, labor motivation, radio.

AUTHOR: Ph.D. in history, associate professor, Nizhny Novgorod State University; somoff33@yandex.ru

REFERENCES:

¹ Goryaeva T. M. Radio Rossii. Politicheskij kontrol` radioveshchaniya v 1920-x – nachale 1930-x godov. Dokumentirovannaya istoriya. Moscow, 2000.

² Radiozhurnalistika: Uchebnik / Pod. red. A. A. Sherelya. Moscow, 2005.

³ Lubyanka. Stalin i NKVD-NKGB-GUKR «Smersh». 1939 – mart 1946 / Arxiv Stalina. Dokumenty' vy'sshix organov partijnoj i gosudarstvennoj vlasti / Pod red. A. N. Yakovleva. Moscow, 2006.

⁴ Mordoviya. 1941–1945: Sb. dokumentov. Saransk, 1995.

⁵ Nizny Novgorod State Society and Politics Archive.

⁶ Mordoviya v period Velikoj Otechestvennoj vojny' 1941–1945 gg. Saransk, 2005.

⁷ Mariy El Republic Archive.

⁸ Arzamasskij uchitel'skij v gody' voennogo lixolet'ya (Materialy' k istorii AGPI) / Sost. E. P. Titkov, M. V. Kazachok. Arzamas, 2005.

⁹ Pogodin V. P. Tekhnikum – e`to nasha sud`ba: Ocherki istorii Arzamasskogo texnikuma potrebitel'skoj kooperacii. 1957–2007 gg. Arzamas, 2007.

¹⁰ V boyax otstoyali Otchiznu svoyu... Vospominaniya uchastnikov Velikoj Otechestvennoj vojny' i truzhenikov ty'la / Avt.-sost. P. V. Voevodskij. Joshkar-Ola, 2005.

¹¹ Zabveniyu ne podlezhit: stranicy' Nizhegorodskoj istorii (1941–1945 gody'). Kn. 3. Nizny Novgorod, 1995.

¹² Russian Federation State Archive.

¹³ Central Mordovia Republic Archive.

¹⁴ Stalin I. V. O Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Soyuz. Gorkij, 1943.

¹⁵ Porshneva B. F. Kонтрсуггестия i istoriya (E`lementarnoe social'no-psixologicheskoe yavlenie i ego transformaciya v razvitii chelovechestva) // Istoriya i psixologiya / Pod red. B. F. Porshneva i L. A. Anciferova. Moscow, 1971.